

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

10.48015/2076-7404-2023-15-4-7-32

Научная статья / Research paper

А.А. Вершинин, П.А. Тупикин*

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.М. ЛИТВИНОВА В США В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1943)

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Период Великой Отечественной войны — одна из наиболее ярких страниц в истории советско-американского сотрудничества. СССР и США смогли преодолеть инерцию негативного восприятия друг друга, сохранив себя на протяжении большей части межвоенного периода, вместе возглавив борьбу с державами «оси». Однако этот процесс сближения двух будущих сверхдержав не был ни простым, ни быстрым; его постоянно тормозило взаимное недоверие, усугублявшееся различиями в политической культуре двух стран. В этих условиях судьба межсоюзнических отношений зависела от готовности лидеров «Большой тройки» идти на взаимные уступки и компромиссы, от личной инициативы и решительности отдельных политиков и дипломатов. В этом плане особенно примечательна фигура М.М. Литвинова, назначенного послом СССР в США в самый тревожный и опасный момент Великой Отечественной войны. Сыграв большую роль в организации советско-американского сотрудничества в 1941–1943 гг., М.М. Литвинов оказался на долгие годы предан забвению как в советской, так и в российской историографии. В данной статье предпринимается попытка на основе новых архивных материалов оценить деятельность М.М. Литвинова в качестве посла в США

* *Вершинин Александр Александрович* — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: averchinine@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5206-8013); *Тупикин Павел Александрович* — соискатель кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tupikin.p@yandex.ru; ORCID: 0009-0002-7980-3510).

и особенности его взаимоотношений с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым в рассматриваемый период. В начале статьи рассмотрены первые шаги М.М. Литвинова на новом посту. Особое внимание уделено его усилиям, направленным на прояснение советской позиции по наиболее чувствительным вопросам двусторонних отношений и установление контактов с различными группами американской политической, экономической и интеллектуальной элиты. Во второй части статьи проанализирована деятельность М.М. Литвинова в условиях нарастания межсоюзнических противоречий по проблемам открытия второго фронта и срыва поставок в рамках ленд-лиза. Авторы показывают, что М.М. Литвинов использовал все доступные ему средства и приемы для отстаивания интересов СССР, чутко реагируя на любые изменения в настроениях военно-политического руководства США и немедленно сообщая о них в Москву. В этом контексте авторы ставят под сомнение распространенные в историографии представления об излишней самостоятельности и независимости посла. Напротив, можно констатировать, что М.М. Литвинов во всех своих выступлениях и практических шагах последовательно придерживался официальной внешнеполитической линии советского руководства. Таким образом, проведенное исследование указывает на необходимость дальнейшего изучения фигуры М.М. Литвинова для отхода от излишне упрощенных, клишированных оценок этой личности.

Ключевые слова: М.М. Литвинов, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, советско-американские отношения, «Большая тройка», второй фронт, ленд-лиз, НКВД, США, СССР, антигитлеровская коалиция, Ф.Д. Рузвельт, И.В. Сталин

Для цитирования: Вершинин А.А., Тупикин П.А. Дипломатическая деятельность М.М. Литвинова в США в период Великой Отечественной войны (1941–1943) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 4. С. 7–32. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-7-32.

Aleksandr A. Vershinin, Pavel A. Tupikin

DIPLOMATIC ACTIVITIES OF M.M. LITVINOV IN THE USA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1943)

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The Great Patriotic War is one of the highlights in the history of Soviet-American cooperation. The USSR and the United States managed to overcome

the inertia of mutual mistrust that persisted throughout most of the interwar period, taking together the lead in the fight against the Axis powers. However, rapprochement between the two future superpowers was neither plain nor swift; rather was it constantly hampered by mutual suspicion, aggravated by differences in their political cultures. Under these conditions, the fate of their alliance depended on the willingness of the 'Big Three' leaders to respect each other's interest and concerns, as well as on the personal initiative and determination of individual politicians and diplomats. In this regard, the figure of M.M. Litvinov, appointed ambassador of the USSR to the United States at the most alarming and dangerous moment of the Great Patriotic War, deserves particular attention. Having played a major role in the Soviet-American cooperation in 1941–1943, M.M. Litvinov has been then forgotten for many years in both Soviet and Russian historiography. On the basis of new archive materials, the authors reexamine the activities of M.M. Litvinov as an ambassador to the United States and the specifics of his relationship with J.V. Stalin and V.M. Molotov during the period under review. The first section covers the initial steps of M.M. Litvinov in his new position. Special attention is paid to his efforts aimed at clarifying the Soviet position on the most sensitive issues of bilateral relations and establishing contacts with various groups of the American political, economic and intellectual elites. The second section analyzes M.M. Litvinov's activities in the context of increasing contradictions between the Allies with regard to the opening of the second front and disruption of supplies under lend-lease. The authors show that M.M. Litvinov used all the diplomatic tools available to defend the interests of the USSR, instantly reacting to any changes in the moods of the U.S. military and political establishment and immediately reporting them to Moscow. In this context, the authors question the widespread claims in historiography about the ambassador's excessive independence and willfulness. On the contrary, M.M. Litvinov can be said to have consistently adhered to the official foreign policy line of the Soviet leadership in both his speeches and practical steps. This indicates the need for further study of the M.M. Litvinov's figure in order to avoid oversimplified, clichéd assessments of this personality.

Keywords: M.M. Litvinov, Great Patriotic War, World War II, Soviet-American relations, Big Three, second front, lend-lease, People's Commissariat for Foreign Affairs, USA, USSR, Anti-Hitler coalition, F.D. Roosevelt, I.V. Stalin

About the authors: *Aleksandr A. Vershinin* — PhD (History), Associate Professor at the Chair of History of Russia of the XX–XXI centuries, School of History, Lomonosov Moscow State University (e-mail: averchinine@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5206-8013); *Pavel A. Tupikin* — PhD Candidate at the Chair of History of Russia of the XX–XXI centuries, School of History, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tupikin.p@yandex.ru; ORCID: 0009-0002-7980-3510).

For citation: Vershinin A.A., Tupikin P.A. 2023. Diplomatic activities of M.M. Litvinov in the USA during the Great Patriotic War (1941–1943). *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 4, pp. 7–32. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-7-32. (In Russ.)

Период Великой Отечественной войны оказался одним из самых продуктивных в истории советско-американских отношений. В условиях опасности распространения нацизма СССР и США стали ведущими участниками «Большой тройки» — союза трех лидеров, сумевшего одержать верх над странами «оси» во Второй мировой войне. Однако процесс формирования и развития союзнических отношений был далеко не безоблачным: руководству двух держав приходилось преодолевать взаимное недоверие, шаг за шагом наращивать темпы сотрудничества.

Немалую роль в этом процессе играли работники посольств, которые должны были быстро реагировать на возникавшие противоречия, сглаживать острые углы, отстаивая при этом интересы своего государства. Одной из наиболее ярких фигур, исполнявших в данный период обязанности посла СССР в США, стал М.М. Литвинов, занимавший этот пост с конца 1941 г., когда в условиях формирования советско-американского союза возникла необходимость заменить его предшественника, К.А. Уманского, с недоверием относившегося к Белому дому и критически воспринимавшего его действия. Во многом благодаря активности М.М. Литвинова в общественном мнении США начал укореняться образ СССР как перспективного партнера, а Белый дом, представители американского истеблишмента и деловой элиты всё интенсивнее вовлекались в программу поддержки Москвы, которая нуждалась в помощи на начальном этапе войны.

Вместе с тем важно отметить, что деятельность М.М. Литвинова в качестве посла довольно слабо исследована в отечественной и зарубежной историографии. Один из наиболее известных наркомов иностранных дел, посол в США, заместитель главы Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) СССР, принимавший участие в разработке принципов послевоенного миропорядка, он оказался вне поля зрения историков. М.М. Литвинову посвящены одна работа на русском языке, вышедшая еще в годы перестройки и но-

сившая больше публицистический, чем академический характер, а также главы в общих монографиях [Шейнис, 1989; Млечин, 2011]. Отчасти такое «политическое забвение» объясняется сложными отношениями М.М. Литвинова с его подчиненным, а позже — руководителем МИД СССР А.А. Громыко, который недолюбливал бывшего наркома и в мемуарах писал о том, что само назначение М.М. Литвинова в Вашингтон рассматривалось И.В. Сталиным как временная мера для улучшения советско-американских отношений¹. Фигура наркома привлекала и зарубежных исследователей [Pope, 1943; Phillips, 1992; Holroyd-Doveton, 2013], однако их работы страдали очевидной неполнотой ввиду отсутствия у авторов доступа к советским, а позднее — российским архивным фондам. Оценки фигуры М.М. Литвинова в зарубежной историографии зачастую были идеологически ангажированы, он представлен как «жертва сталинского режима», сторонник «коллективной безопасности» и «тесного сотрудничества с Европой», пострадавший в результате смены советских политико-стратегических ориентиров [Дюллен, 2019: 305, 381]. При этом его деятельность как посла и в этих трудах оказывалась на втором плане.

Показательный факт: в опубликованном в 2004 г. объемном документальном сборнике «Советско-американские отношения, 1939–1945» обширная служебная переписка вашингтонского посольства с Москвой за рамками того, что уже было опубликовано ранее, оказалась вообще не отражена². Более информативными являются соответствующие тома «Документов внешней политики СССР», вобравшие в себя материалы из других советских публикаций³. Однако особую важность получило открытие в 2019 г. ряда документов, хранившихся в архиве МИД РФ, которое позволило подробнее осветить роль М.М. Литвинова в становлении и развитии советско-американского диалога, оценить его деятельность на посту посла СССР в США, где он, выступая преданным защитником интересов Советского Союза, смог стать одной из наиболее

¹ Громыко А.А. Памятное. Кн. 1. М.: Политиздат, 1988. С. 77–78.

² Советско-американские отношения, 1939–1945 / Под ред. Г.Н. Севостьянова; сост. Б.И. Жилиев, В.И. Савченко. М.: Материк; Демократия, 2004.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 24: 22 июня 1941 г. — 1 января 1942 г. М.: Международные отношения, 2000; Там же. Т. 25: 1942. М.: Гриф и К, 2010; Там же. Т. 26: 1943. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2016.

популярных фигур, пользовавшихся авторитетом в американском истеблишменте и деловых кругах⁴.

В данной статье предпринимается попытка оценить роль М.М. Литвинова в развитии советско-американского сотрудничества в период его пребывания на посту посла СССР в США. Для достижения указанной цели необходимо ответить на ряд исследовательских вопросов: какие ключевые противоречия в отношениях Кремля и Белого дома наблюдались осенью 1941 — летом 1943 г.; как М.М. Литвинов оценивал возможности сотрудничества двух держав и какие шаги он предпринимал для его осуществления; насколько независимой от воли Кремля была активность М.М. Литвинова и в какой степени его деятельность соответствовала позиции в отношении Вашингтона, занимаемой И.В. Сталиным?

Первые шаги нового посла

Важно отметить, что советское руководство вывело дипломата на политическую орбиту далеко не сразу. В июне–сентябре 1941 г. бывший глава НКВД оставался в «политическом забвении», которое продолжалось с момента его отставки в мае 1939 г. Однако сложности, с которыми столкнулась советская дипломатия, выстраивая курс на сотрудничество с США, необходимость перейти в диалог двух держав от недоверия и подозрений к активному взаимодействию стали причиной укрепления его роли. 25 сентября 1941 г., утверждая состав делегации на Московскую конференцию СССР, США и Великобритании, Государственный комитет обороны ввел в число участников и М.М. Литвинова⁵. Союзники воспользовались инициативой СССР, попросив заменить на встрече с И.В. Сталиным в рамках саммита трех держав К.А. Уманского на М.М. Литвинова, что, судя по воспоминаниям очевидцев и сохранившимся документам, для последнего стало неожиданностью [Печатнов, 2006: 31–32].

Осенью 1941 г. бывший нарком был назначен заместителем главы НКВД В.М. Молотова и занял должность посла СССР в США. В записи беседы первого заместителя народного комиссара иностранных дел А.Я. Вышинского с американским послом Л. Штейнгардтом от

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВПРФ). Ф. 129. Посольство СССР в США.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 10. Л. 92.

4 ноября 1941 г. сообщалось о положительной реакции американского руководства на назначение нового посла, о «большом удовлетворении», с которым был принят этот шаг Кремля⁶. М.М. Литвинова в США хорошо помнили: в ноябре 1933 г. он в качестве наркома предпринял поездку в Вашингтон, итогом которой стало заключение так называемого соглашения Рузвельта–Литвинова. Визит советского дипломата проходил тогда в дружественной атмосфере, а сам президент Ф. Рузвельт отмечал, что говорит с ним «на одном языке». Столь высокий уровень взаимопонимания, демонстрация доверия президента к новому послу немало способствовали успеху непростых переговоров, открывших путь к установлению дипломатических отношений между двумя странами⁷.

М.М. Литвинова, находившегося в Куйбышеве, вызвали в Москву к И.В. Сталину, который сообщил ему о назначении и необходимости незамедлительно вылететь в Вашингтон, куда дипломат и отправился с аэродрома в Куйбышеве 12 ноября 1941 г. Причины, побудившие советское руководство обратиться к опальному наркому, были ясны: хотя ему не слишком доверяли в Кремле, воспринимали как фигуру, нацеленную на развитие отношений с Западом, в сложившихся условиях он был нужен как символ нового этапа в укреплении советско-американского сотрудничества. Москва этим назначением демонстрировала готовность к выстраиванию эффективного взаимодействия, поскольку было очевидно, что помощь Вашингтона необходима Красной армии для победы [Urban, 1981: 21]. Как позднее признавал В.М. Молотов в беседе с Ф.И. Чуевым, «Литвинова держали послом в США только потому, что его знал весь мир»⁸. Этот сигнал восприняли и на Западе. 2 декабря в беседе с советским послом в Китае спецпредставитель Ф. Рузвельта при правительстве Чан Кайши О. Латтимор отметил, что «приезд и пребывание М. Литвинова в качестве посла СССР в США могут способствовать созданию демократического союза, в который должны войти Англия, США, СССР и другие страны»⁹. Прибытие М.М. Литвинова в Вашингтон

⁶ Советско-американские отношения, 1939–1945... С. 165.

⁷ Москва — Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921–1941: Сборник документов: В 3 т. Т. 3: 1933–1941 / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 2009. С. 25–27.

⁸ Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991. С. 96.

⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 24. ... С. 463–464.

вызвало большой резонанс в американском истеблишменте и рассматривалось как знак готовности СССР к активизации диалога с США.

Новый посол активно включился в работу, направленную на объяснение американской общественности угроз, которые несла агрессия А. Гитлера, и сложностей, которые испытывал Советский Союз в борьбе с ней. В речи, произнесенной дипломатом на вручении верительных грамот 9 декабря 1941 г., он отметил, что столкнулся с растущим осознанием людьми в США опасности, которой чревата реализация гитлеровской программы, направленной на уничтожение политической и экономической независимости других стран. Более того, посол отметил, что цель его миссии — создать оптимальные условия для сотрудничества двух государств¹⁰.

Московская конференция трех держав, подписание первого протокола о поставках и обещания союзников оказать помощь не сняли все вопросы, которые служили источником недопонимания и недоверия между лидерами «Большой тройки». К таким проблемным точкам можно отнести медлительность союзников в исполнении обещаний и отсутствие второго фронта, на что И.В. Сталин обратил внимание, выступая 6 ноября 1941 г. по случаю годовщины Октябрьской революции. В своей речи он указал, что неудачи Красной армии связаны с отсутствием в Европе войск США и Великобритании, которые вели бы военные действия против Германии¹¹. В декабре 1941 г. к уже имевшимся проблемам добавилась новая: Япония напала на американские базы в Тихом океане, что привело к вступлению США в войну¹². В этой ситуации в американской политической элите усилились позиции группы, считавшей перво-степенным именно Тихоокеанский театр военных действий. Вместе с тем все инициативы американских дипломатов по укреплению сотрудничества на Дальнем Востоке воспринимались Москвой как стремление втянуть СССР в войну на два фронта. Разумеется, все эти нюансы новый советский посол должен был учитывать, реализуя политическую линию, определенную Кремлем.

Первой проблемой, которую предстояло уладить М.М. Литвинову, было согласование общей советско-американской позиции в связи

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. Л. 48–49.

¹¹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1947. С. 24.

¹² АВПРФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 37. Л. 26–27.

с нападением Японии на Пёрл-Харбор, спровоцировавшим дискуссии в американском руководстве о необходимости корректировки военно-политического курса¹³. Несмотря на то что никто в Вашингтоне не рассчитывал на прямое участие Москвы в американско-японской войне, Ф. Рузвельт и члены его администрации желали, чтобы советские оценки были выдержаны в максимально неопределенных выражениях: это заставило бы Токио насторожиться и приковало бы к дальневосточной границе СССР дополнительные японские силы. Советский посол недвусмысленно отказался. «Это могло бы лишь побудить Японию напасть на нас первой», — констатировал он¹⁴. При том что логика, руководившая действиями советской стороны, была понятна, разъяснение этой позиции американскому руководству, связанному ожиданиями общества, вынужденному согласовывать позиции различных групп военно-политической элиты, где мнение о необходимости войны с Японией было весьма популярным, требовало особого дипломатического мастерства. Именно его пришлось применить советскому послу при обсуждении документа, получившего название «Декларация Объединенных Наций» (далее — Декларация).

Важно отметить, что 1 января 1942 г. М.М. Литвинов от имени СССР третьим после США и Великобритании поставил подпись под этим документом [Поздеева, 1995: 373]. Таким образом, Москва принимала те инициативы, которые предлагали союзники, и включалась в диалог по урегулированию международных проблем. Однако подписанию Декларации предшествовали дискуссии между представителями трех держав. Советский посол воспротивился формулировкам, которые содержали хотя бы намек на возможность активизации военных действий на Дальнем Востоке. Вместо идеи «разгрома государств — участников пакта трех держав», направленной и против Японии, он смог отстоять формулировку «борьба за победу над гитлеризмом», которая более соответствовала советским интересам и не содержала намека на обязательство советской стороны принять участие в военном конфликте на Дальнем Востоке¹⁵.

¹³ New York Times. 1941. 29 December.

¹⁴ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: документы и материалы: В 2 т. Т. 1: 1941–1943. М.: Политиздат, 1984. С. 143–145.

¹⁵ Шервуд Р.Э. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца: В 2 т. Т. 2. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. С. 22.

В начале 1942 г. М.М. Литвинов включился в обсуждение вопроса об открытии второго фронта. 20 января он писал в Москву о том, что обещания американцев существенно нарастить объем военных поставок в СССР к апрелю 1942 г. «делаются все более и более иллюзорными» по причине расширения зоны боевых действий на Тихом океане и в Восточной Азии. «Ввиду этого, — предлагал М.М. Литвинов, — не следует ли нам поставить прямо вопрос об оказании прямой военной помощи созданием второго фронта на европейском континенте <...>. Если не могут помогать военными материалами, пусть помогают людьми, тем более что американская армия неплохо оснащена, а англичане тоже, вероятно, успели оснастить свою армию. С Рузвельтом говорить об этом недостаточно, надо мне подготовить общественное мнение, но для этого требуется время»¹⁶. Важно отметить, что в вопросе открытия второго фронта М.М. Литвинов выступал даже более активно, чем его руководство в Москве. В ответ на телеграмму посла от 20 января В.М. Молотов инструктировал его держаться более сдержанно: «...мы уже трижды получили отказ на наше предложение о создании второго фронта, и мы не хотим нарываться на четвертый отказ. Поэтому Вы не должны ставить вопросы о втором фронте перед Рузвельтом»¹⁷. Однако уже 13 февраля, отвечая на вопрос президента о складывающихся военно-политических реалиях, М.М. Литвинов, оговорившись, что озвучивает свое личное мнение, отметил: для эффективного изменения ситуации на Востоке Европы необходимо открыть второй фронт в Западной Европе¹⁸ [Шейнис, 1989: 396].

Одновременно на повестке дня оставался поднятый еще на Московской конференции вопрос американских военных поставок в СССР по программе ленд-лиза. Являясь на том этапе фактически единственным публичным лицом советского посольства, М.М. Литвинов проводил ряд встреч с представителями политического руководства и деловых кругов, чтобы увеличить число сторонников помощи СССР. В частности, в одном из отчетов он писал о беседе с полковником в отставке С. Гугенгеймом, который был связан с нефтяными предприятиями США. Последний пытался уточнить,

¹⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... С. 149–150.

¹⁷ Там же. С. 150–151.

¹⁸ Там же. С. 152.

может ли он быть чем-то полезен, особенно своими контактами в военных кругах, в связи с реализацией программы ленд-лиза в отношении Советского Союза. М.М. Литвинов, понимая, что далеко не всё в данной программе реализуется быстро, что СССР сталкивается и с бюрократическими сложностями, и с недоброжелательным отношением американских чиновников, постарался выяснить настроения официального военного руководства и обещал посоветоваться с закупочной комиссией¹⁹. Удалось послу наладить отношения и с другими представителями деловых кругов, например с юрисконсультom National City Bank, который был направлен своим руководством для финансовых консультаций²⁰. Принадлежал к числу сторонников тесного советско-американского сотрудничества и Н. Рокфеллер, к чьей позиции прислушивались в Вашингтоне²¹. Однако, несмотря на поддержку бизнеса, справиться с бюрократической волокитой военных ведомств США, недоверием со стороны ряда их представителей было непросто. В дальнейшем работники советского посольства отмечали, что проблемы с поставками, отчуждение военного руководства сохранялись, хоть и не были лейтмотивом советско-американского сотрудничества.

В ходе переговоров с советскими дипломатами американцы настойчиво проводили мысль об активизации дальневосточного маршрута поставок, который, по их мнению, мог использоваться и для оказания помощи Китаю, воевавшему, как и США, против Японии. У М.М. Литвинова, вероятно, имелась инструкция из Москвы не форсировать на данном этапе этот вопрос ввиду возможных последствий для советско-японских отношений. Посол, тем не менее, предлагал представить советские доводы в максимально обоснованном виде, дав «убедительную подробную мотивировку технического характера»²². Как мы видим из дальнейших сообщений посла, советская сторона выступила за увеличение поставок через Персидский залив, что нашло понимание у американского руководства, поэтому обсуждение дальневосточного маршрута на время прекратилось²³.

¹⁹ АВПРФ. Ф. 129. Оп. 26. П. 143. Д. 2. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 4.

²¹ Громыко А.А. Указ. соч. С. 121.

²² Документы внешней политики СССР. Т. 25. Кн. 1. ... С. 233.

²³ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... С. 173.

Деятельность М.М. Литвинова в условиях нарастания противоречий между союзниками

В апреле 1942 г. Ф. Рузвельт в контексте обсуждения проблемы открытия второго фронта в Европе предложил И.В. Сталину направить В.М. Молотова в Вашингтон. Данный шаг был необходим не только для налаживания прямого контакта с вождем, но и для знакомства американской элиты с представителем советского высшего руководства. Поездка столь высокого лица могла позволить Москве урегулировать ряд важнейших военно-политических проблем, таких как поставки по ленд-лизу, открытие второго фронта, вопрос о границах СССР. В послании И.В. Сталину президент подчеркивал, что, приглашая В.М. Молотова, не хочет «действовать, каким бы то ни было образом минуя [своего] друга г-на Литвинова»²⁴. В Кремле, однако, колебались. В.М. Молотов через М.М. Литвинова запрашивал, «какие конкретные вопросы американский президент намерен поставить на обсуждение при встрече». За годы пребывания во главе советского внешнеполитического ведомства М.М. Литвинов в полной мере осознал то глубокое недоверие к капиталистическому миру, которое испытывало высшее руководство СССР. Поездку второго человека в государстве за океан он не мог не рассматривать как акцию, имевшую особое политическое значение. Этим была обусловлена и тактика в общении с В.М. Молотовым, которую выбрал М.М. Литвинов: не скрывать никаких «подводных камней» и не акцентировать фактор «доброй воли» американцев.

Формулируя ответ в Москву, посол отмечал: «Ваш приезд нужен Рузвельту, чтобы укрепить его внутри страны, показав, что им предпринимается что-то новое <...>. Не исключено, как я уже указывал, что Рузвельт хочет произвести впечатление на Японию, а также поставить другие вопросы, о которых он предпочитает сейчас умолчать». М.М. Литвинов аккуратно, но настойчиво проводил мысль: встреча с Ф. Рузвельтом необходима в том или ином формате. «Мне кажется, — телеграфировал он В.М. Молотову, — что Вам трудно будет отклонить приглашение, если не выдвинуть контрпредложение о встрече в Лондоне»²⁵. После раздумий Кремль дал согласие на отправку главы НКВД в Лондон и Вашингтон.

²⁴ Там же. С. 160.

²⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 25. Кн. 1. ... С. 276–277.

Накануне приезда В.М. Молотова в Вашингтон, 26 мая 1942 г., М.М. Литвинов встретился с госсекретарем США К. Хэллом, который вручил проект советско-американского соглашения по ленд-лизу, идентичного англо-американскому договору. Подписание этого документа позволяло СССР и Соединенным Штатам интенсифицировать обсуждение экономических проблем. Кроме того, глава Госдепартамента высказал пожелание о продлении заключенного в 1941 г. торгового соглашения²⁶. Советский посол отметил, что у него сложилось впечатление, будто К. Хэлл рассчитывал придать своим действиям большую политическую значимость, подписав данные документы во время пребывания В.М. Молотова в США²⁷.

Встреча в Вашингтоне прошла 29 мая — 1 июня, причем нарком имел возможность пообщаться и с президентом лично, и с важнейшими представителями американской военной элиты: Дж. Маршаллом, Г. Стимсоном и др. Одним из наиболее злободневных был вопрос об открытии второго фронта, волновавший как политическую элиту США, так и советское руководство²⁸. В.М. Молотов выразил позицию СССР, согласно которой союзники должны были высадить десант в Северной Франции, чтобы оттянуть 40 немецких дивизий с Восточного фронта, поскольку именно Германия — ключевой враг Объединенных Наций и на борьбу с ней необходимо бросить максимально возможные силы²⁹.

Сам Ф. Рузвельт и принимавшие участие в обсуждении данного вопроса представители политической элиты США (Дж. Маршалл, Э. Кинг, Г. Гопкинс) отмечали, что Вашингтон готов пойти на уступки Москве, однако для переброски десанта необходимы корабли, а освободить их можно, только отказавшись от части поставок, предназначенных СССР по ленд-лизу. С точки зрения Ф. Рузвельта и его ближайшего окружения, материальную помощь Советскому Союзу необходимо было сократить почти в два раза. Однако такая позиция американского руководства не устраивала Кремль, не

²⁶ АВПРФ. Ф. 129. Оп. 26. П. 143. Д. 2. Л. 7.

²⁷ Там же.

²⁸ Foreign Relations of the United States: Diplomatic papers, 1942, Europe, Vol. III // Office of the Historian. P. 567–569. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1942v03/pg_567 (accessed: 15.12.2023).

²⁹ Ibid. P. 567.

желавший потерять столь необходимую поддержку³⁰. Не остался без внимания В.М. Молотова и другой вопрос, касавшийся сокращения поставок: что произойдет, если русские откажутся от части запрошенного (а это, безусловно, снизит боеспособность Красной армии), но второй фронт так и не будет открыт [Dallek, 1979: 342]? Советская сторона настояла, чтобы фраза об открытии второго фронта вошла в коммюнике переговоров, но было件нятно, что достичь согласия в данном вопросе непросто.

Позиция М.М. Литвинова в ходе советско-американских переговоров в Вашингтоне выглядела сложной. В.М. Молотов относился к послу холодно. Впоследствии он вспоминал, что отказался от его участия в переговорах в Белом доме. Это было не так: М.М. Литвинов присутствовал при обсуждении ключевых вопросов, хотя от Ф. Рузвельта не ускользнула некоторая напряженность между советскими представителями³¹. Знания М.М. Литвинова и его опыт были тем активом, от которого на данном этапе Москва не была готова отказаться. 11 июня посол по поручению своего руководства подписал советско-американское соглашение «о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии», которое фактически оформило военный союз между двумя странами.

Однако уже через две недели советский посол точно уловил важное изменение настроений в Вашингтоне. 25 июня его вызвали в Белый дом, где в то время проходили переговоры американской и британской делегаций. Неофициальный характер визита, затянувшийся обмен любезностями и общие фразы быстро убедили посла в том, что пригласили его «не ради делового разговора, а исключительно ради приличия». М.М. Литвинов сразу понял: союзники пытаются сохранить хорошую мину при плохой игре. «Вопрос о втором фронте несколько не продвинулся, а скорее Черчилль убедил президента в необходимости дальнейшей отсрочки»³², — написал он в Москву. Его прогноз оказался точным.

Аналогичные настроения были характерны и для американской общественности в целом, о чем М.М. Литвинов также информировал

³⁰ Harriman A., Abel E. Special envoy to Churchill and Stalin, 1941–1945. New York: Random House, 1975. P. 137.

³¹ Чуев Ф.И. Указ. соч. С. 96; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... С. 203.

³² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... С. 207–208.

Кремль. Например, вице-консул СССР в Лос-Анджелесе А.А. Скориков сообщал послу, что, хотя «либерально настроенные круги Голливуда» и поддерживают идею о высадке англо-американского десанта в Европе, этот вопрос мало обсуждается публично. Что касается военных, то они холодно относились к перспективе открытия второго фронта. Более того, некоторые из них считали, что высадка десанта должна стать ответным шагом на активизацию действий СССР на Дальнем Востоке³³.

Разумеется, подобные сообщения не добавляли доверия И.В. Сталина к союзникам. В записке советника при посольстве СССР в США А.А. Громыко на имя В.М. Молотова показана еще более удручающая картина. Помощник посла указывал: несмотря на ожидания рядовых американцев, нет признаков того, что Вашингтон серьезно относится к вопросу об открытии второго фронта. А.А. Громыко сообщал, что особенно сильны антисоветские настроения в генералитете и аппарате военного департамента. Военные оказывали влияние на Ф. Рузвельта, говоря о неподготовленности США к такому шагу³⁴. Советский дипломат также предлагал не слишком доверять союзникам в вопросах, связанных с поставками, отмечая, что за шесть месяцев 1942 г. американская военная промышленность произвела военного снаряжения (включая самолеты и танки) в 1,5 раза больше, чем за весь 1941 год³⁵.

Это донесение является лишь одним из множества сообщений, которые поступали в СССР как по линии НКВД, так и через резидентов НКВД и анализировались И.В. Сталиным³⁶. Раздражение вождя усиливалось, что проявлялось и в переписке с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, и в беседе с последним во время его визита в Москву, предпринятого для того, чтобы лично предупредить главу Кремля о невозможности открытия второго фронта в Европе в 1942 г.

На фоне такой позиции союзников М.М. Литвинову удалось добиться ряда уступок от Госдепартамента, призванных усилить эффективность работы посольства. В частности, 10 июня 1942 г. он получил от К. Хэлла заверения, что будут приложены все возможные

³³ АВПРФ. Ф. 129. Оп. 26. П. 143. Д. 6. Л. 7–8, 10.

³⁴ Там же. Л. 15–16.

³⁵ Там же. Л. 19.

³⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля — 31 декабря 1942 г. М.: Русь, 2003. С. 100.

усилия, чтобы почта, предназначенная для посольства, своевременно туда поступала³⁷. 7 июля посол обратился к госсекретарю со словами благодарности в связи с подписанием Второго протокола, предусматривавшего расширение американских поставок в СССР. Вместе с тем М.М. Литвинов просил (не без ведома советского руководства) об увеличении числа поставляемых самолетов (до возможного лимита), а также сообщал о заинтересованности советской стороны в получении металлов, необходимых для эффективной организации военного производства³⁸.

В июле союзники фактически дезавуировали свое согласие на открытие второго фронта в Европе в 1942 г. В августе этот вопрос стал центральным в ходе Второй Московской конференции с участием И.В. Сталина и У. Черчилля. М.М. Литвинов убеждал Москву в том, что планируемая вместо этого десантная операция в Северной Африке не будет иметь стратегического эффекта на Восточном фронте. «Гитлер не станет перебрасывать туда войска из СССР. Он скорее пожертвует всей Триполитанией и Ливией, чем откажется от выполнения своих стратегических планов на Востоке с использованием лета и осени»³⁹, — писал он в НКИД. В своих телеграммах он практически никогда не предлагал «войти в положение» американцев и смягчить советскую позицию.

В начале августа 1942 г. М.М. Литвинов встретился с представителями Комитета по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США, обрисовав положение дел, сложившееся на советском фронте. Этот шаг был весьма своевременным, поскольку на фоне довольно детального рассказа о сложностях на фронте активнее зазвучали голоса в пользу увеличения помощи СССР и открытия второго фронта⁴⁰.

³⁷ Foreign Relations of the United States: Diplomatic papers, 1942, Europe, Vol. III // Office of the Historian. P. 452. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1942v03/pg_452 (accessed: 15.12.2023).

³⁸ Ibid. P. 713. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1942v03/pg_713 (accessed: 15.12.2023).

³⁹ Ibid. P. 220. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1942v03/pg_220 (accessed: 15.12.2023).

⁴⁰ Congressional Record: July 27, 1942. Vol. 88, Part 5 — Bound Edition, 77th Congress — 2nd Session // Library of Congress. P. 6662. Available at: <https://www.congress.gov/77/crecb/1942/07/27/GPO-CRECB-1942-pt5-17-2.pdf> (accessed: 15.12.2023).

Во главе угла для М.М. Литвинова была реализация курса, проводимого Кремлем и НКВД. Наглядным свидетельством этого является инцидент, произошедший в беседе В.М. Молотова с британским послом А. Керром 29 сентября 1942 г. Ее запись сохранила упоминание об одном весьма экстравагантном, с точки зрения англичанина, действии М.М. Литвинова.

А. Керр сообщал главе НКВД о словах своего советского коллеги, расходившихся с тем, что И.В. Сталин сказал У. Черчиллю во время его визита. М.М. Литвинов якобы отметил, что Сталинград, за который в тот момент шли тяжелые бои, потерян для СССР, что Кавказ неизбежно попадет в руки А. Гитлера. Когда немцы будут в Баку, турки присоединятся к ним. Говоря о втором фронте, он, как утверждалось, отмечал, что это позволило бы перебросить на Запад с советско-германского фронта 50 дивизий. Советский посол, со слов А. Керра, утверждал, что посещение В.М. Молотовым Лондона и Вашингтона было ошибочным, поскольку пробудило надежды, которые в конце концов не были реализованы. Более того, М.М. Литвинов упоминал о том, что внутри гражданского населения имело место брожение, которое скоро распространится и на Красную армию. Говорил он и о пятой колонне в самом Вашингтоне, с которой не могли справиться Ф. Рузвельт и его окружение⁴¹.

Подобный демарш вряд ли мог быть вызван паникой опытного дипломата, для которого такие настроения в принципе не были характерны. С трудом верится, что М.М. Литвинов был убежден в том, что говорил, либо сознательно противоречил мнению И.В. Сталина. Скорее всего, вождь использовал авторитетного на Западе дипломата, чтобы испугать союзников, напомнив, что если СССР не выстоит под Сталинградом, если А. Гитлер получит доступ к нефтяным месторождениям Кавказа, то ситуация окажется губительной для всей антигитлеровской коалиции. Косвенно о срежиссированности подобного шага М.М. Литвинова, согласованности его с советским руководством на самом высшем уровне говорит тот факт, что дипломат не утратил своего положения, его действия не были расценены как предательские. И это при том, что И.В. Сталин жестко держал все нити внешней политики в своих руках, считая ее важнейшей частью своего «политического хозяйства», в управление которым вмешивался лично [Хлевнюк, 2023: 21].

⁴¹ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 1. Д. 13. Л. 92–93.

Вместе с тем напряженность в отношениях М.М. Литвинова и руководства НКВД сохранялась. В конце сентября В.М. Молотов и заместитель председателя Совнаркома А.И. Микоян отчитывали его за недостаточную твердость при переговорах о подписании Второго протокола поставок по ленд-лизу: М.М. Литвинов предлагал сконцентрироваться на наращивании транспортных возможностей союзников, а не на скорейшем подписании соглашения, которое без наличия необходимого тоннажа осталось бы неэффективным⁴². Однако Кремль настаивал; в результате посол принял указания к исполнению, и уже 6 октября протокол был подписан. Для более эффективного разрешения возникавших вопросов М.М. Литвинов обратился 16 октября 1942 г. к госсекретарю с предложением об усилении роли Комиссии внешней торговли в СССР в организации американских поставок. С его точки зрения, контролирование государственным институтом вопросов снабжения помогло бы уменьшить волокиту и сделать процесс наиболее эффективным⁴³.

Наряду с проблемой нерегулярности поставок советское руководство продолжало интересоваться позицией Белого дома о перспективах открытия второго фронта. 13 октября 1942 г. в донесении В.М. Молотову М.М. Литвинов сообщал, что Ф. Рузвельт в данном вопросе занял более твердую позицию, демонстрируя собственную убежденность в неосуществимости в текущий момент высадки в Европе. Посол подчеркивал, что президент «взят на буксир» своим окружением из представителей военно-морских кругов. Более того, президента раздражали и выступления лидера Республиканской партии У. Уилки, который пытался увеличить собственные рейтинги, используя проблематику второго фронта и требуя от Белого дома оказывать более существенную поддержку СССР. Советский посол считал, что необходимо время от времени активизировать в прессе обсуждение данного вопроса, возрождать его, чтобы он не был погребен среди других проектов военно-политического руководства США⁴⁴.

Кроме того, чтобы сохранять на высоком уровне интерес американской общественности к проблеме борьбы советского народа

⁴² Документы внешней политики СССР. Т. 25. Кн. 2. ... С. 209–210.

⁴³ Foreign Relations of the United States: Diplomatic papers, 1942, Europe, Vol. III // Office of the Historian. P. 736. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1942v03/pg_736 (accessed: 15.12.2023).

⁴⁴ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 22. Д. 232. Л. 12–14.

с нацистской Германией, посол и его сотрудники осенью 1942 г. регулярно ездили по стране, выступали на митингах, проводили встречи с деятелями культуры, представителями деловой и интеллектуальной элиты. Собранные на данных мероприятиях средства шли на закупку товаров, необходимых для Красной армии [Шейнис, 1989: 398]. М.М. Литвинов регулярно информировал НКВД о настроениях общественности США, расстановке сил в американском руководстве, пытался повлиять на позиции политической элиты, в том числе сгущая краски, демонстрируя непоправимые последствия, которые могут наступить, если союзники не пойдут на уступки. Все эти действия не позволяют говорить о независимом политическом курсе советского посла, его излишней самостоятельности, оппозиционности НКВД, что якобы раздражало Кремль, о чем пишут некоторые исследователи [Млечин, 2011: 98]. Напротив, мы видим, что советская политико-стратегическая концепция, вырабатываемая И.В. Сталиным и В.М. Молотовым, довольно четко реализовывалась М.М. Литвиновым в Вашингтоне.

Даже речь посла, подготовленная в 1942 г. по случаю годовщины Октябрьской революции, во многом отражала те оценки, которые сформулировал в своем выступлении по аналогичному поводу вождь, хотя позиция И.В. Сталина была довольно категоричной, граничила с прямыми обвинениями и вряд ли была по нраву американским партнерам. М.М. Литвинов отмечал, что борьба в Европе продолжалась уже 14 месяцев, а Советский Союз был брошен на произвол судьбы, как будто речь шла о его собственных интересах, а не об общем деле борьбы с гитлеризмом. Он указывал, что именно советский театр военных действий должен превратиться в приоритетный, ему должно быть отдано предпочтение перед другими фронтами, за счет которых и должны быть удовлетворены потребности СССР. Ни слова в речи не было сказано о поддержке союзников, их операциях в Северной Африке⁴⁵. По большому счету, данное выступление можно считать обвинением союзников в бездеятельности, слишком слабой помощи, что приводило к большим потерям на советском фронте. Аналогичную мысль отстаивал и И.В. Сталин, указывавший в своем выступлении в честь 25-летия Октябрьской революции от 6 ноября 1942 г., что немцам удалось взять в свои руки инициативу военных действий, поскольку союзники не захотели

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 10. Л. 20–25.

поддержать СССР открытием второго фронта⁴⁶. И глава Кремля, и советский посол, очевидно, придерживались единых установок.

М.М. Литвинов защищал интересы Советского Союза, боролся с любым искажением действительности, пытался препятствовать распространению мнений в американском руководстве, которые могли бы нанести ущерб советско-американскому сотрудничеству. В частности, в шифрограмме В.М. Молотову от 12 ноября 1942 г. он указывал, что сопровождавший У. Уилки в СССР глава Бюро военной информации, выступая перед журналистами, упомянул об очень напряженных отношениях между Москвой и Лондоном, заявив, что У. Черчилль пытался ослабить СССР при помощи А. Гитлера⁴⁷. Характерно, что на этой записке, переданной лично И.В. Сталину, сохранилась пометка вождя, где он указывал на нереальность этих рассказов от начала и до конца. По всей видимости, глава Кремля очень внимательно следил за подобными донесениями, не собиравшись осложнять отношения с союзниками в столь трудный для СССР момент.

Другим слухом, который смог развенчать М.М. Литвинов, были обвинения со стороны американцев в том, что между СССР и Японией существовала секретная договоренность, благодаря чему поставки вооружений из США беспрепятственно могли осуществляться по дальневосточному маршруту. Подобные разговоры вызывали недовольство части военного руководства США, отстаивавшего идею первостепенности фронта на Дальнем Востоке, создавали угрозу для американских поставок, которые были необходимы в условиях активных боев Красной армии под Сталинградом [Larrabee, 1987: 173]. Опровергая подобные слухи, посол переходил в контрнаступление, обвиняя Белый дом в контактах с прогермански настроенными политиками. По его словам, американская администрация в попытках вывести из войны государство Виши рассматривала возможность заключения соглашения «с большими французскими реакционнейшими генералами, с такой сумой перемётной, как Дарлан, к которым стремятся примазаться такие политиканы, как Шотан»⁴⁸.

М.М. Литвинов понимал, что фундамент советско-американских отношений зыбок, а взаимное недоверие, копившееся годами, никуда

⁴⁶ Сталин И.В. Указ. соч. С. 66–67.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 385. Л. 120–121.

⁴⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 25. Кн. 1. ... С. 357.

не исчезло, лишь отойдя на второй план перед лицом общей угрозы. По мере того как будущее поражение Германии и Японии в войне становилось всё более ясным, всё чаще возникали опасения относительно перспектив сотрудничества между Москвой и Вашингтоном. В конце февраля 1943 г. посол писал в Москву: «Все газеты и общественные деятели воздают дань восхищения подвигам нашей армии и умелости нашего командования, но это носит поверхностный характер и еле прикрывает усиливающиеся, в связи с нашими успехами, страхи перед нами <...>. Считаю долгом сигнализировать, что при некотором стечении обстоятельств такие настроения чреваты серьезными последствиями. Нельзя недооценивать силы и значения общественного мнения в Америке и зависимость от него президента и правительства. Необходимы срочные мероприятия противодействия росту указанных настроений»⁴⁹. Важно отметить, что недоверие к Кремлю в правящих кругах Вашингтона действительно возрастало, представители Конгресса негативно высказывались об американском союзнике в периодической печати. Например, сенатор Б. Уиллер выражал недоверие «мистеру Сталину», отмечая, что не строит иллюзий относительно «его будущих требований и будущих территориальных приобретений»⁵⁰.

Весной — летом 1943 г. отношения внутри антигитлеровской коалиции достигли опасной точки. Встретившиеся в январе в Касабланке Ф. Рузвельт и У. Черчилль под впечатлением от советских успехов под Сталинградом слали И.В. Сталину заверения в том, что второй фронт во Франции будет открыт уже в текущем году. Но дальше обещаний дело не шло, а в июне последовало очередное признание, что главной целью союзников на ближайшее время будет высадка в Италии. И.В. Сталин обвинил Вашингтон и Лондон в нарушении обязательств и, нарочито завышая цифры, отметил, что из-за этого немцы смогли перебросить 36 дивизий на Восточный фронт⁵¹. Дополнительным источником раздражения для Москвы стали новости

⁴⁹ Там же. С. 135.

⁵⁰ New York Times. 1943. 15 March.

⁵¹ Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: В 2 т. Т. 2: Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (авг. 1941 г. — дек. 1945 г.). М.: Политгиздат, 1957. С. 58–59; Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии, 1933–1945. Т. 3: Война на два фронта. М.: Издательство иностранной литературы, 1976. С. 277–281.

о том, что в лесу под Катыню немцами найдены захоронения расстрелянных польских офицеров, в гибели которых поляки обвиняли СССР и навязывали свою позицию британцам [Reynolds, 2015: 309]. В телеграмме в НКВД М.М. Литвинов констатировал, что «анти-советская пропаганда поляками не прекращается», и, апеллируя к собственному опыту во главе Наркомата, предлагал урезонить эмигрантское правительство напоминанием о «двурушническом» поведении Второй Речи Посполитой перед лицом гитлеровского реваншизма в 1930-е годы⁵².

8 марта 1943 г. У. Стэндли, посол США в СССР, пригласил репортеров и сообщил, что советские власти, контролируя СМИ, дезинформируют население, не сообщая ничего о помощи со стороны союзников⁵³. М.М. Литвинов еще 20 февраля сигнализировал о том, что этот вопрос является чувствительным для американцев, и просил «сообщить <...> данные об участии американского оружия в тех или иных наших военных операциях» для их последующего распространения в США⁵⁴. В.М. Молотов полагал, что просьбу посла стоит «уважить», однако демарш У. Стэндли перевел вопрос в публичную плоскость, где советская сторона не могла позволить себе отступить. Посол был вызван в НКВД, ему пришлось давать объяснения и выслушивать замечания В.М. Молотова⁵⁵.

В этих условиях Кремль принял решение отозвать послов из Лондона и Вашингтона. Решение о возвращении М.М. Литвинова было принято 10 мая 1943 г.⁵⁶ Союзники встревожились. В.М. Молотов лично убеждал У. Стэндли в том, что причиной отзыва посла была объективная потребность его перевода на ответственную работу в Москву и «Советское Правительство высоко ценит политические и дипломатические достоинства Литвинова и считает, что последний хорошо выполнял обязанности посла в Вашингтоне»⁵⁷. Ф. Рузвельт лично интересовался самочувствием бывшего посла⁵⁸. Новый представитель СССР в США А.А. Громыко на первых порах

⁵² Документы внешней политики СССР. Т. 25. Кн. 2. ... С. 170.

⁵³ Harriman A., Abel E. Op. cit. P. 213–214.

⁵⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 25. Кн. 2. ... С. 137.

⁵⁵ АВГРФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 3. Д. 30. Л. 44–45.

⁵⁶ Очерки истории Министерства иностранных дел России, 1802–2002: В 3 т. Т. 2: 1917–2002 гг. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 295.

⁵⁷ Советско-американские отношения, 1939–1945... С. 365.

⁵⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 25. Кн. 2. ... С. 613.

чувствовал себя неуверенно, отмечая, что «американцам как официальным лицам, так и широкой публике импонируют в качестве иностранных послов люди с большим именем и яркой политической карьерой в прошлом, вроде Литвинова». «Разумеется, этого у меня нет»⁵⁹, — признавал он.

В поисках точки соприкосновения с Советским Союзом президент США принял решение отозвать на родину У. Стэндли, заменив его на более лояльную фигуру. Дж. Дэвис, бывший послом США в СССР в 1936–1938 гг. и лояльно настроенный по отношению к Советам, в беседе с М.М. Литвиновым 22 мая 1943 г. сообщил, что Ф. Рузвельт отзывает действующего руководителя американского посольства в СССР, чтобы назначить человека, который мог бы более активно проводить курс Белого дома на развитие сотрудничества с Кремлем⁶⁰. Более того, президент отправил самого Дж. Дэвиса в Москву, чтобы выяснить настроения И.В. Сталина, договориться о личной встрече лидеров «Большой тройки», что было необходимо в условиях нарастающего в альянсе кризиса, поскольку верил, что сможет урегулировать ключевые политико-стратегические противоречия с помощью «личной дипломатии».

В июне 1943 г. М.М. Литвинов отправил на имя главы НКВД записку, где характеризовал настроения, существовавшие в США на момент его возвращения. Он отмечал, что военные планы американцев формировались в Лондоне, а не в Вашингтоне. При этом Великобритания, по его мнению, всячески препятствовала открытию второго фронта, выдвигая в качестве условия участие значительных воинских контингентов США, что оказывалось неприемлемым для Белого дома⁶¹.

* * *

М.М. Литвинов, даже будучи сторонником сближения с Великобританией и США, указывал, что стратегические планы союзников строились на стремлении к максимальному истощению СССР, уменьшению его роли в решении послевоенных проблем. С точки зрения дипломата, в тот момент открытие второго фронта в Европе было

⁵⁹ Там же. С. 653.

⁶⁰ АВГРФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 29. Д. 337. Л. 16.

⁶¹ Там же. Л. 5–6.

возможно, если Красная армия терпела бы фатальные поражения⁶². Отмечал он и следующую черту американского истеблишмента: маскируя свои устремления лозунгами защиты Атлантической хартии, различных громких международных документов, они используют их для нападков на СССР и Великобританию⁶³. При этом М.М. Литвинов призывал сохранить контакты с американцами, в первую очередь с Ф. Рузвельтом. Он указывал, что в противном случае они начнут сближаться с англичанами, а это противоречит интересам СССР. М.М. Литвинов подчеркивал, что президент постепенно подпадал под влияние антисоветски настроенных политиков (бывшего посла в СССР У. Буллита) и его отношение к Москве ухудшалось⁶⁴.

После возвращения в Советский Союз М.М. Литвинов формально занял пост заместителя наркома иностранных дел, но фактически это означало понижение его реального статуса, поскольку он более не мог непосредственно влиять на реализацию внешнеполитического курса СССР в отношении союзников. Однако деятельность комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, которую возглавил бывший посол, имела решающее значение для будущего диалога с США и Великобританией [Филитов, 1995].

Важно отметить, что М.М. Литвинов, несмотря на довольно непродолжительный период дипломатической активности в США, смог превратиться в весьма заметную политическую фигуру, выступая активным проводником советского политического курса. Ему удалось не просто обзавестись необходимыми для Кремля связями в политических и деловых кругах США, но и отстаивать интересы СССР в таких важных вопросах, как снабжение Красной армии по программе ленд-лиза и активизация обсуждения проблемы открытия второго фронта. Важными представляются и его донесения, переправляемые в Москву. Дипломат, которого нельзя было заподозрить в антиамериканских настроениях, тщательно анализировал взгляды различных групп американской политической элиты и пытался проводить политику, которая в наибольшей степени отражала бы военно-стратегические интересы Советского Союза.

⁶² Там же. Л. 8.

⁶³ Там же. Л. 13.

⁶⁴ Там же. Л. 17, 20.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дюллен С. Уплотнение границ: к истокам советской политики. 1920–1940-е. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
2. Млечин Л.М. МИД. Министры иностранных дел: внешняя политика России от Ленина и Троцкого до Путина и Медведева. М.: Центрполиграф, 2011.
3. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М.: Terra-Книжный клуб, 2006.
4. Поздеева Л.В. Советский Союз: геополитическая дипломатия // Союзники в войне, 1941–1945 / Отв. ред. А.О. Чубарьян, У.Ф. Кимболл, Д. Рейнолдс. М.: Наука, 1995. С. 368–394.
5. Филитов А.М. В комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война: актуальные проблемы / Отв. ред. О.А. Ржешевский. М.: Наука, 1995. С. 54–71.
6. Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М.: АСТ; CORPUS, 2023.
7. Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Политиздат, 1989.
8. Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American foreign policy, 1932–1945. New York: Oxford University Press, 1979.
9. Holroyd-Doveton J. Maxim Litvinov: A biography. Woodland: Woodland Publications, 2013.
10. Larrabee E. Commander in chief. Franklin Delano Roosevelt, his lieutenants, and their war. New York: Harper & Row, 1987.
11. Phillips H.D. Between the revolution and the West: A political biography of Maxim M. Litvinov. Boulder: Westview Press, 1992.
12. Pope A.U. Maxim Litvinoff. New York: L.B. Fischer, 1943.
13. Reynolds D. The diplomacy of the Grand Alliance // The Cambridge history of the Second World War. In 2 vols. Vol. 2: Politics and ideology / Ed. by R. Bosworth, J. Maiolo. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 301–323.
14. Urban G.R. Was Stalin (the Terrible) really a 'great man'? A conversation with W. Averell Harriman (President Roosevelt's special ambassador to Churchill and Stalin, 1941–1946) // Encounter. 1981. Vol. 57. No. 5. P. 20–38.

REFERENCES

1. Dullin S. 2014. *La frontière épaisse: Aux origines des politiques soviétiques (1920–1940)*. Paris, Éditions de l'ÉHESS [Russ. ed.: Dyullen S. 2019. Uplotnenie granits: k istokam sovetskoi politiki. 1920–1940-e. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ.].
2. Mlechin L.M. 2011. *MID. Ministry inostrannykh del: vneshnyaya politika Rossii ot Lenina i Trotskogo do Putina i Medvedeva* [MFA. Foreign ministers:

Russia's foreign policy from Lenin and Trotsky to Putin and Medvedev]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ. (In Russ.)

3. Pechatnov V.O. 2006. *Stalin, Ruzvel't, Trumen: SSSR i SShA v 1940-kh gg. Dokumental'nye ocherki* [Stalin, Roosevelt, Truman: The USSR and the USA in the 1940s. Documentary essays]. Moscow, Terra-Knizhnyi klub Publ. (In Russ.)

4. Pozdeeva L.V. 1995. *Sovetskii Soyuz: geopoliticheskaya diplomatiya* [The Soviet Union: Geopolitical diplomacy]. In: Chubar'yana A.O., Kimball U.F., Reynolds D. (eds.). *Soyuzniki v voine, 1941–1945* [The allies in the war, 1941–1945]. Moscow, Nauka Publ, pp. 368–394. (In Russ.)

5. Filitov A.M. 1995. *V komissiyakh Narkomindela* [In the commissions of the People's Commissariat for Foreign Affairs]. In: Rzheshevskii O.A. (ed.). *Vtoraya mirovaya voina: aktual'nye problemy* [World War II: Current issues]. Moscow, Nauka Publ, pp. 54–71. (In Russ.)

6. Khlevnyuk O.V. 2023. *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya: biografiya* [Stalin. The life of a chieftain: A biography]. Moscow, AST, CORPUS Publ. (In Russ.)

7. Sheinis Z.S. 1989. *Maksim Maksimovich Litvinov: revolyutsioner, diplomat, chelovek* [Maxim Maksimovich Litvinov: Revolutionary, diplomat, person]. Moscow, Politizdat Publ. (In Russ.)

8. Dallek R. 1979. *Franklin D. Roosevelt and American foreign policy, 1932–1945*. New York, Oxford University Press.

9. Holroyd-Doveton J. 2013. *Maxim Litvinov: A biography*. Woodland, Woodland Publications.

10. Larrabee E. 1987. *Commander in chief. Franklin Delano Roosevelt, his lieutenants, and their war*. New York, Harper & Row.

11. Phillips H.D. 1992. *Between the revolution and the West: A political biography of Maxim M. Litvinov*. Boulder, Westview Press.

12. Pope A.U. 1943. *Maxim Litvinoff*. New York, L.B. Fischer.

13. Reynolds D. 2015. The diplomacy of the Grand Alliance. In: Bosworth R.J.B., Maiolo J.A. (eds.). *The Cambridge history of the Second World War. In 2 vols. Vol. 2: Politics and ideology*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 301–323.

14. Urban G.R. 1981. Was Stalin (the Terrible) really a 'great man'? A conversation with W. Averell Harriman (President Roosevelt's special ambassador to Churchill and Stalin, 1941–1946). *Encounter*, vol. 57, no. 5, pp. 20–38.

Статья поступила в редакцию 13.10.2023; одобрена после рецензирования 10.12.2023; принята к публикации 06.01.2024

The paper was submitted 13.10.2023; approved after reviewing 10.12.2023; accepted for publication 06.01.2024